

Часть вторая. ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

И.М.Модель,
Б.С.Модель

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Цивилизационный по своим масштабам процесс движения российского общества от посттоталитарного к демократическому состоянию вызвал к жизни ряд дестабилизирующих общественную жизнедеятельность и социальные отношения факторов. Кризисные явления, характеризующие современное состояние российского общества, в значительной мере развеяли те иллюзии о будущих успехах радикального реформирования, в реальность которых так хотелось верить россиянам. Многократно обманутые, они не теряли оптимизма до последнего времени и в период выборов президента России, надеялись начать жить в условиях подлинной демократии, в правовом государстве с развитыми рыночными отношениями. Однако жизнь внесла серьезные коррективы, спровоцировала ошутимый рост социальной напряженности.

Многократные призывы государственной власти к общественному согласию никак не находят широкого отклика ни у представителей ведущих политических сил, ни в сердцах большей части населения страны, вкусившего прелести инфляции, падения уровня жизни, потери работы и прочие радости, сопровождающие переходный период. Реформаторы же оказались не просто не готовыми, а скорее даже беспомощными перед лавиной требующих немедленного разрешения проблем, появление которых они сами спровоцировали, не сумев предусмотреть социальных последствий собственных нововведений. Вследствие этого сегодня мы являемся одновременно свидетелями и участниками свертывания, сжатия системы общественных связей, поддерживающих процессы взаимодействия как внутри нарождающегося гражданского общества, так и в его отношениях с органами государственной и местной власти.

Если попытаться вскрыть хотя бы некоторые причины, обусловившие такое состояние общества в настоящее время, то среди

них не последнее место заняло бы не только отсутствие глубоких научных проработок (понятно, на это нужно время), но даже элементарных теоретических заделов, так необходимых при прогнозировании реакции и населения в целом, и его отдельных слоев и категорий на столь несимпатичные по отношению к нему меры. Не продумали наши реформаторы (а может быть, и не задумывались вообще) и те пути, те механизмы, посредством которых можно было бы если не обеспечить сразу, то хотя бы взять курс на достижение общественного согласия.

В связи с этим актуальность теоретической проработки понятий, в той или иной степени отражающих, характеризующих состояние социального взаимодействия, возможности и пути снижения противостояния, конфликтности, напряженности, представляется нам бесспорной.

Справедливости ради следует заметить, что развитые страны к концу XX века накопили весьма значительный опыт партнерства, обобщенный в трудах юристов, экономистов, социологов. Но если для западных стран с развитой демократией социальное согласие и партнерство выступают необходимыми атрибутами повседневности, нормального бытия, то в России использование этих категорий отнюдь не всегда встречает понимание (и тому немало причин). Именно это и побудило нас предпринять попытку осветить свое понимание социального партнерства, связав его с переживаемым нашим обществом периодом становления (а может быть, и зарождения) основ гражданского общества.

Мы намерены уделить в ходе анализа особое внимание специфике российского восприятия, отношения к традиционным для западного общества явлениям социальной действительности. Хотелось бы надеяться, что научный поиск, предпринятый нами именно сегодня, поможет осознать ценность неконфронтационного способа разрешения многочисленных социальных противоречий — способа, основанного на партнерстве участников отношений, таящих в себе заряд конфликтов; способа, обеспечивающего позитивное решение целого комплекса проблем, постоянно возникающих в ходе общественного развития.

Мы полагаем, что формирование гражданского общества с социально ориентированной экономикой и развитой духовной сфе-

рой диктует необходимость специфических методов, форм регулирования отношений общества и государства. Как уже говорилось, в последние десятилетия мировым сообществом накоплен весьма значительный опыт регулирования социального взаимодействия конфликтного характера “мирным путем” (путем партнерства участников этого взаимодействия). Как пишет президент Конгресса российских деловых кругов Г.Ю.Семигин, “достижением сегодняшнего дня является осознание того факта, что в широком понимании именно партнерство как баланс интересов, достигаемый сторонами социального взаимодействия на основе компромисса, является наиболее действенным условием для достижения в обществе стабильности и процветания”¹.

В историческом плане идея установления партнерского типа общественных отношений, прямо скажем, не нова. Ее возникновение мы бы отнесли ко времени крайнего обострения классовых антагонизмов. Именно тогда и возникли мысли о возможности установления справедливости двумя путями: революционным или реформистским. Если первый путь означал революционную ломку, насилие, подавление одного общественного класса другим, то второй предполагал поиск компромисса, некой консолидации интересов, то есть своего рода социального партнерства. Нужно сказать, что подавляющее большинство развитых демократических государств в свое время отдали дань революционным преобразованиям, но в дальнейшем они избрали (в отличие от России, где “нет у революции начала, нет у революции конца”) более цивилизованный способ разрешения социальных противоречий — реформы. Октябрьский переворот в России и последовавшие за ним кровавые события послужили еще одним веским аргументом в пользу их выбора. История показала, что эти страны не ошиблись...

Исторически сложилось так, что поиск путей гармонизации общественных отношений коснулся прежде всего производственной сферы, где противоречия между трудом и капиталом постоянно выливались в конфликты, забастовки, что отнюдь не способствовало наращиванию темпов производства. Развитие НТР в странах Запада существенно изменило как социальную структуру общества (размывание классов, появление многочисленных маргинальных слоев), уровень профессионализма трудящихся (интенсивный

рост), так и в социально-психологические отношения между участниками производственного процесса, значительно усилив роль последних в повышении производительности труда и успехах управленческой деятельности. Это потребовало формирования новой идеологии — идеологии социального партнерства. В силу этого наиболее проработанными оказались вопросы, касающиеся партнерских отношений в трудовой сфере.

Этим и объясняется тот факт, что социальное партнерство в абсолютном большинстве случаев рассматривается как форма сотрудничества в области трудовых отношений. Так, эксперты Международной организации труда (МОТ)² определяют суть социального партнерства (трипартизма), основные цели и принципы его функционирования и реализации как механизм, посредством которого предприниматели, представители трудящихся и правительства разрабатывают комплекс согласованных и многосторонних действий для решения всех важнейших вопросов экономической и социальной политики в национальном масштабе путем поиска компромиссов.

Довольно богатый международный опыт социального партнерства свидетельствует о многообразии его форм. Обычно говорят о трех модификациях: германской (опыт социального партнерства в Австрии, Швейцарии, Германии), скандинавской (прежде всего шведская модель) и американской, иногда — японской.

Нацеленные на социальную консолидацию, эти модели несколько разнятся по критериям эффективности. Так, для германской модели социального партнерства таковыми выступают укрепление демократии, рост производительности труда, мирное развитие трудовых отношений, предотвращение социальных конфликтов, для шведской — ее социальные результаты, а для американской или японской моделей главными являются темпы экономического роста.

Но как бы ни различались эти модели социального партнерства по названным выше критериям эффективности, есть много общего в истории их формирования и бытия. Полагаем, что на этапе становления такого типа отношений в России весьма полезным мог бы оказаться как опыт Австрии, Германии, так и практика социального партнерства в Швеции.

Остановимся на общих закономерностях, типичных для периода зарождения и развития интересующего нас феномена социального партнерства. В этом процессе целесообразно, на наш взгляд, выделить условия как *объективного*, так и *субъективного* плана.

1. Итак, среди условий, необходимых для успешного функционирования социального партнерства, прежде всего выделяются *демократия* и *гражданское общество*. Если говорить о названных выше государствах (Австрии, Германии, Швеции, США), то вопроса о демократии и наличии гражданского общества не возникает, как не вызывает сомнения и существование в этих странах среднего класса, выступающего опорой и гарантом демократического государства и больше всех заинтересованного в мирном поступательном развитии хозяйства, расцвете рыночной экономики. Что же касается России, то именно эти коренные условия и являются, на наш взгляд, тем основным препятствием, которое отнюдь не способствует становлению социального партнерства. Мы говорим о неразвитости демократических форм, об их значительной деформации в сложнейший переходный период с отравляющими жизнь кризисами, препятствующими нормальному развитию рыночных отношений, формированию среднего класса, становлению гражданского общества. Однако мы с большой долей здорового оптимизма относимся к этому историческому этапу, переживаемому Россией, ибо наши многолетние социологические исследования доказывают, что современное российское *гражданское сообщество* еще слишком молодо, оно еще не стало соразмерным социуму, не преобразовало его в гражданское общество — все это еще впереди, как, надеемся, и расцвет социального партнерства, в котором так нуждается многострадальная Россия и населяющие ее народы.

2. Для формирования социального партнерства необходимо и такое важнейшее условие, как *объективная потребность* в нем (*социальном партнерстве*). Острая потребность в социальном партнерстве возникла и в Австрии, и в Германии после второй мировой войны. Германия в ее сегодняшних границах — одно из самых молодых и динамично развивающихся государств Европы. Немцы пережили фашизм, 45-летний раздел страны, и это поставило германских политиков перед необходимостью навести в стра-

не порядок, ликвидировать внутреннюю политическую неустойчивость и социальные конфликты. И в качестве наилучшего способа установления социального мира в государстве политики Германии избрали демократизацию общества и социальное партнерство (в чем, на наш взгляд, преуспели просто замечательно!).

Если говорить в этом плане о России, то она не в меньшей степени испытывала потребность в социальном партнерстве в послевоенный период, однако... И здесь, к сожалению, можно только очень глубоко и горько вздохнуть. Трудовой энтузиазм населения в годы послевоенных пятилеток был направлен в совершенно иное русло. Социалистические принципы хозяйствования и “необходимость” помогать странам соцлагеря и третьего мира чуть не довели нашу страну до уровня этого третьего мира, а теперь после экспериментов, многочисленных и нескончаемых преобразований и реформ, кризисов вновь во весь рост встает перед нашим обществом вопрос об общественном согласии (не говорим уж о партнерстве), о мирном сосуществовании ветвей власти, дабы не ввергать страну в очередной кризис этой самой власти. Сегодня необходимость социального партнерства в России ощущается как острая потребность в свежем воздухе, обеспечивающем и поддерживающем жизнедеятельность страны и формирующем новый тип общественных отношений.

3. Международный опыт зарождения и развития социального партнерства доказывает, что для функционирования последнего необходима *сформированность, институциональная оформленность групповых интересов*.

Так, если говорить об Австрии, то это союзы предпринимателей (работодателей), профсоюзы (представители наемных работников) и государство.

В Германии рабочий класс одним из первых в Европе объединился в профсоюзы. Интересы работодателей в Германии представляют организации трех видов: экономические союзы, палаты, союзы работодателей.

Экономические союзы (членство в них добровольное) выражают политико-экономические интересы своих членов по отдельным отраслям промышленности, промысла, торговли: общая экономическая политика, научные исследования и технология, экологи-

гия, энергетика, транспорт, налоги, инвестиции, статистика, внешняя торговля.

Палаты являются публично-правовыми корпорациями (членство в них обязательно для лиц, занимающихся каким-либо промыслом). Торгово-промышленные и ремесленные палаты защищают общеэкономические интересы объединяемых ими лиц перед администрацией, проводят для них консультации, экспертизы во всех областях политики и права, организуют профессиональное обучение.

Главная задача *союзов работодателей* заключается в согласовании коллективных тарифных договоров с профсоюзами: они устанавливают заработную плату рабочих и служащих и прочие условия труда в той или иной отрасли экономики, кроме того, защищают общие социально-политические интересы работодателей перед государством, проводят консультации по вопросам трудового и социального права и, если необходимо, представляют их интересы в суде.

Государство, как правило, в проблемы организации и переговоры по тарифным соглашениям не вмешивается. Неслучайно в последние годы немецкие работодатели и наемные работники социальное партнерство в своей среде называют социальным самоуправлением³.

Самоуправляемый характер носит и такое направление социального партнерства в Германии, как социальное страхование с его наблюдательным советом, осуществляющим контрольные функции за расходованием средств. Этот совет состоит в равных долях из представителей работодателей и трудящихся.

А что же в России? Полагаем, что это условие (институциональная оформленность групповых интересов) для становления и развития социального партнерства практически сложилось, однако если обратиться к области трудовых отношений, в которых социальное взаимодействие и партнерство развиты, если можно так выразиться, в наибольшей степени, то и перед предпринимателями, и перед профсоюзами, и перед государством стоит немало внутренних нерешенных проблем.

В самом деле, объединениям предпринимателей принадлежит, в сущности, ключевая роль в развитии систем социального парт-

нерства: в содействии частному предпринимательству, рыночной экономике, совершенствованию трудовых отношений вообще и с профсоюзами в частности, в защите интересов предпринимателей перед лицом государства и т.д. В Российской Федерации сегодня насчитывается более 60 общероссийских объединений предпринимателей, и лишь немногим более половины проявляют сколь-нибудь заметную активность в социальной сфере. Подавляющая часть наших предпринимателей прямыми отношениями с выступающими от их имени профсоюзами не связаны. Отраслевые, региональные и межрегиональные предпринимательские объединения ориентируются на переговоры с исполнительной властью в целях изыскания дополнительных возможностей оказывать на нее давление для удовлетворения собственных сиюминутных потребностей.

Становлению профсоюзов в качестве одного из субъектов социального партнерства препятствует серьезный раскол в российском профсоюзном движении. К сожалению, Федерация независимых профсоюзов России (преемница ВЦСПС), Всероссийская конференция труда и Конфедерация труда России пребывают в состоянии конфронтации друг с другом (причем расходятся они по принципиальным вопросам), что не только затрудняет, но и делает практически невозможным выход на уровень переговоров не только с правительством, но и с объединениями предпринимателей.

Государство свою основную задачу в этом плане — формирования поля для социального партнерства — в нынешних экономических условиях пока только пытается решить. Правительство РФ как член МОТ взяло на себя инициативу по разработке и реализации концепции социального партнерства, создав Российскую трехстороннюю комиссию по регулированию социально-трудовых отношений. Этот новый в нашей стране орган представляет собой работающий в режиме сотрудничества институт согласования интересов профсоюзов, предпринимателей и правительства.

Ежегодно в России заключается более 60 отраслевых и межотраслевых тарифных соглашений. Благодаря работе этой комиссии в субъектах Федерации ежегодно заключается свыше 70 региональных, более 330 отраслевых и более 180 территориальных, а также около 100 тысяч коллективных договоров.

Однако без кардинальных перемен в социальной политике запустить механизм регулирования трудовых отношений по-настоящему не удастся. Многие работодатели уклоняются от заключения договоров из-за боязни брать на себя социальные обязательства. Нередки ситуации, когда на предприятиях вообще отсутствуют обязательства по отношению к наемному работнику. Именно поэтому Правительство РФ в настоящее время прежде всего приводит организационно-правовую базу социального партнерства в соответствие с требованиями рыночной экономики.

И мы полагаем, что это еще только начало. Дело в том, что в разработке подобного механизма нуждается не только трудовая сфера, но вся система жизнедеятельности: экономика, право, наука, культура...

4. Для функционирования социального партнерства необходима *отработанность механизмов и процедур социального диалога*. К примеру, в Австрии для национализированных отраслей эта процедура определялась двусторонними соглашениями (договорами), так как интересы работодателей и правительства в этом случае совпадали, а в ненационализированных отраслях экономики большое распространение получила трехсторонняя система социального партнерства: союзов предпринимателей (работодателей), профсоюзов (представителей наемных работников) и государства.

В Германии, например, особую роль в достижении социального партнерства играют тарифные соглашения. В настоящее время 7 тысяч тарифных соглашений охватывают 26 млн человек занятого населения. Тарифные соглашения обязательны только для тех предприятий, которые входят в объединения предпринимателей, и для наемных работников — членов профсоюза. Вести тарифные переговоры может как объединение предпринимателей, так и отдельная фирма. На предприятии в данном случае может быть подписано только одно тарифное соглашение. Генерального (общегерманского) соглашения не заключается. Основную нагрузку по поддержанию социального мира несут тарифные соглашения на уровне отраслей между соответствующими объединениями работодателей и профсоюзами. В тарифных соглашениях участвуют также земельные объединения работодателей и профсоюзов. Таким образом, в Германии сложилась довольно стройная система соци-

альных гарантий, включающая 15 земельных и 48 отраслевых тарифных соглашений и определяющая размер оплаты и условия труда рабочих и служащих. Государство, как правило, в переговоры по тарифным соглашениям не вмешивается, предоставляя возможность предприятиям действовать достаточно свободно, а наемным работникам — активно бороться за свои права⁴.

В Швеции социальное партнерство социал-демократов с профсоюзами обеспечивает устранение массовой бедности и безработицы благодаря тому, что значительная доля результатов производства перераспределяется в соответствии с потребностями людей, “уходит” от действия капиталистических принципов распределения. Благодаря этой модели потребители получают значительную часть благ и услуг, минуя рыночные механизмы.

“Находящаяся у власти шведская социал-демократия совместно с профсоюзами в условиях взаимных партнерских отношений в предоставлении социальных услуг пошла на доминирующую роль государственно-коммунального сектора. С одной стороны, значительная часть произведенной продукции изъята из-под действия рыночных сил, то есть распределяется не по доходам, а по социально детерминированным нормам. С другой стороны, налажен контроль общества за значительной частью капитала, направляемой на воспроизводство рабочей силы. Тем самым государственные и общественные институты имеют возможность помимо экономической политики влиять на характер функционирования экономики и как собственники капитала, и как инвесторы, и как работодатели”⁵.

Состоятельность теории функциональной социализации, положенной в основу внутренней политики в Швеции, подтверждается высокой степенью развитости социального партнерства и стабильностью гражданского общества этой страны.

Что касается России, то в настоящее время стихийный во многом рыночный маховик разметал общество по полюсам до такой степени, что понятия “богатые” и “бедные” прочно вошли в наш повседневный лексикон, а судьбы среднего класса, исторически призванного до определенной степени нейтрализовать эту постоянно грозящую социальным противостоянием, неурядицами и конфликтами реальность, поставлены под угрозу кризисными явле-

ниями последних лет. Поэтому налаживание механизма, создание условий для установления в обществе нормальных, стабильных общественных отношений, взаимосвязей, способствующих развитию диалога между властью и обществом, — чрезвычайно важная, насущная задача сегодняшнего дня. И ее решение лежит как раз в плоскости формирования отношений социального партнерства. Отрадно видеть, что верхние эшелоны власти это осознают и предпринимают (пусть пока еще не очень ловкие, не всегда удачные) попытки установления партнерских отношений на уровне различных ветвей власти (подоспеет время, дойдет дело и до “листьев”, и до “корней” — во всяком случае, хочется верить).

5. Для нормального развития отношений социального партнерства не менее, чем названные выше объективные условия, необходимы *организационно-правовые и политические установления государства в части регулирования интересов участников этих отношений.*

В этом плане нужно сказать, Россия располагает кое-каким потенциалом. Так, имеются законы о профсоюзах и об общественных объединениях, в ряде областей страны — даже законы о социальном партнерстве (мы имеем в виду Свердловскую, Мурманскую области), есть закон о социальном партнерстве в городе Москве, в Уставе Свердловской области имеется ст. 21 о социальном партнерстве органов власти и общественных образований на ее территории. Однако это лишь островки на безбрежных просторах нашей страны. Кроме того, факт остается фактом: законы не всегда грамотно прописаны, с одной стороны, а с другой — лишь часть из них действует, применяется на практике.

К сожалению, крайне незначительна в этом процессе роль Государственной Думы и Совета Федерации, которые многое могут сделать для создания правовой базы внедрения и функционирования механизма социального партнерства в стране.

Вместе с тем социальное партнерство должно быть не только узаконено на самом высоком уровне, но и являться основой политической и управленческой деятельности государства. Только тогда можно рассчитывать на реальные позитивные сдвиги в общественном сознании и социальной практике.

Такими нам представляются объективные предпосылки становления отношений социального партнерства в обществе или в отдельных его сферах. Но все эти условия так и останутся условиями, если в их среду не будет включен субъект деятельности — активный, способный на практике реализовать возможности, созданные предпосылками объективного плана. Мы говорим здесь о *роли субъективного фактора*.

К сожалению, объем настоящей публикации не позволяет нам подробно остановиться на этой стороне рассматриваемой проблемы, но назвать, перечислить эти факторы мы сочли необходимым.

1. Прежде всего необходимо осознание участниками социального взаимодействия *общности целей* и потребности в социальном партнерстве для их достижения.

2. Нужна *сильная воля участников* социального партнерства к достижению этих целей.

3. Немаловажную роль играет и наличие в обществе *традиций гражданского участия*, традиций партнерских отношений.

4. Необходима *готовность участников отношений следовать нормам*, зафиксированным в документах, устанавливающих этот тип отношений.

5. Среди существенных факторов субъективного плана назовем и наличие в обществе *системы эффективных санкций за нарушение норм социального партнерства*.

6. Не последнюю роль играет и наличие у сторон (участников партнерских отношений) *чувства ответственности* за принятые на себя обязательства, оговоренные условиями документа (договора), их устанавливающего.

Причем мы хотели бы обратить внимание нашего читателя не только на область трудовых отношений. Мы убеждены, что этот тип взаимодействия имеет (или, точнее сказать, может и должен иметь) место во всех сферах социума, будь то политика, экономика, искусство, менеджмент и т.п. Более того, партнерство может определять и характер общественных отношений между различными сферами социума, обеспечивая гармоничное и бесконфликтное развитие последнего.

Коль скоро мы ведем речь о взаимодействии между основными сообществами социума (государством, экономическими, поли-

тическими и гражданскими сообществами), то следует помнить, что оно носит многоаспектный и многомерный характер, формируя социальные взаимоотношения различного типа, в том числе отношения общественного согласия и партнерские.

Термин “партнерство” предполагает вполне определенную форму отношений (взаимодействия, поведения), возникающих в процессе деятельности по достижению общих целей. В случаях, когда цели взаимодействующих субъектов не совпадают (различны или противоположны), ведется речь о компромиссе, об общественном согласии, о достижении консенсуса.

Специфика перехода от одной системы общественного устройства к другой, переживаемого нашей страной, накладывает глубокий отпечаток на все социальные и экономические процессы. Как пишет В.В.Комаровский, “...в переходном российском обществе функции партнерства отличны от функций сходного социального института в высокоразвитых странах Запада. В России социальное партнерство, его формирующаяся модель выступает и как определенного рода *амортизатор социальной напряженности*, “пламегаситель” открытой конфронтации интересов и институтов в сфере труда, и как инкубатор или, если угодно, *кокон для строящейся системы трудовых отношений*. В ходе процедур социального партнерства происходит оформление интересов и прав реструктурированных социальных, корпоративных и региональных групп, формирование адекватных им институтов представительства, нормативно-правовой базы, наработка практики коллективно-договорного регулирования и выработка правил игры в целом”⁶.

В основе названных выше отношений, бесспорно, лежит социальное взаимодействие. Попытаемся разобраться, в чем его специфика, своеобразие, особенности, памятуя о том, что уровень этого взаимодействия — один из важнейших критериев степени развитости социума. Чем теснее взаимодействие между отдельными сферами общества, тем выше оно стоит на цивилизационной лестнице, тем больше благ (и материальных, и духовных) может предложить своим гражданам, тем более демократичным является.

Понятие “взаимодействие” на практике трактуется достаточно широко. В нормативных актах его сущность и содержание, как правило, специально не раскрываются. Требование взаимодействия

в юридических документах трактуется как обязанность государственных органов, однако за невыполнение этого требования никакой ответственности не предусматривается. Таким образом, взаимодействовать с различного рода гражданскими объединениями или нет — дело совести и доброй воли самих органов власти, как и определение и выбор форм этого взаимодействия.

Если главной задачей социального взаимодействия традиционно считается поддержание баланса интересов работодателей и работников, который постоянно нарушается, изменяется под влиянием научно-технического прогресса, конкуренции и других факторов и тенденций современного социального и экономического развития, то для России на первый план выдвигается необходимость экономического возрождения, которое недостижимо без социальной стабилизации, предотвращения социальных и трудовых конфликтов, то есть без реализации отношений социального партнерства.

Социальное взаимодействие выполняет в обществе различные функции: стабилизирующую, консолидирующую, деструктивную. Как показывает исторический и социологический анализ общественной практики развитых демократических стран, успешное функционирование общества возможно исключительно при органичном взаимопроникновении динамического и стабилизирующего начал. И с этим нельзя не согласиться.

На наш взгляд, именно стабилизирующая функция социального взаимодействия является тем механизмом, который обеспечивает развитие демократического общества в целом и его отдельных сфер. На современном этапе такую функцию могло бы успешно выполнять социальное партнерство как одна из форм проявления социального взаимодействия.

В силу своей внутренней взаимосвязи эти категории не могут рассматриваться ни на теоретическом, ни на эмпирическом уровне одна без другой. Хотя социальное взаимодействие на каком-то историческом этапе развития демократического государства порождает социальное партнерство, последнее может осуществляться не только через механизм социального взаимодействия, но и формировать свой собственный механизм.

Социальное партнерство уже социального взаимодействия и есть не что иное как одна из форм существования последнего, олицетворяющая его стабилизирующую и гармонизирующую функции. В этом смысле социальное партнерство противостоит деструктивным, дестабилизирующим процессам в демократическом обществе.

Вопросы и проблемы, так или иначе связанные с социальным партнерством, сегодня привлекают все большее внимание представителей самых различных сфер: о социальном партнерстве говорят и государственные деятели, и предприниматели, и лидеры профсоюзного движения, и руководители партийных и общественных объединений. В настоящее время наблюдается повышенный интерес юристов к проблемам социального партнерства (выше мы называли ряд законодательных документов по поводу социального партнерства). Не сомневаясь в необходимости, важности и значимости этих документов, отметим, однако, свойственную им традиционную ограниченность толкования партнерских отношений между работниками и работодателями и их представителями как определенной формы трудовых отношений.

Такое понимание исследуемого феномена свойственно не только представителям юридической науки. Некоторые социологи видят в социальном партнерстве “условие трансформации трудовых отношений”, “особый тип трудовых отношений, основанный на осознании определенной общности интересов и стратегических целей, достигаемых благодаря консенсусу как специфической форме разрешения противоречий текущих интересов. Консенсус предполагает понимание того, что удовлетворение собственных интересов возможно при учете интересов партнера”⁷.

Попытаемся доказать, что содержание рассматриваемого понятия значительно шире и богаче.

Почему именно *партнерство* представляется нам наиболее желательной, удобной и приемлемой на данном историческом этапе существования России формой социального взаимодействия?

Прежде всего напомним, что социальное партнерство мы рассматриваем не только традиционно, как способ сотрудничества в сфере социально-трудовых отношений, но намного шире, как форму органического взаимодействия многообразных субъектов соци-

альных отношений (государственных институтов и общественных объединений, социальных и профессиональных групп и пр.), которая позволяет им свободно выражать свои интересы и находить цивилизованные способы их гармонизации и реализации.

Социальное партнерство строится на определенных фундаментальных принципах, но прежде чем говорить о них, напомним, что для возникновения отношений социального партнерства в процессе взаимодействия сторон необходимы не просто общая цель и ряд условий объективного плана, но и осознание этой цели, наличие воли взаимодействующих субъектов и активное желание (возможно, жизненно важная необходимость) ее достижения.

Эти отношения основываются на добровольности признания партнерами друг друга в качестве участников субъект-объектных отношений.

Мы полагаем, что решающим в отношениях социального партнерства выступает фактор взаимной полезности — они предполагают взаимную заинтересованность сторон, уважение и учет интересов партнеров.

Эти отношения не диктуют необходимости руководствоваться “указаниями свыше” — их участники равноправны в выборе путей и средств достижения общей цели, сохраняя при этом самостоятельность и следуя принципу невмешательства в дела друг друга.

Отношения социального партнерства строятся на принципах доверия, уважения, доброжелательности, равенства, свободы выбора.

Эти отношения предусматривают обоюдную ответственность за общее дело, обязательность исполнения достигнутых договоренностей и за систематичность выполнения принятых в рамках социального партнерства соглашений, договоров и решений.

Они отличаются бескорыстием и солидарностью.

В этих отношениях формальные моменты явно перевешивают неформальные, что в определенной степени облегчает взаимодействие, общение, нивелируя личные симпатии, антипатии, неприязнь и т.п.

Наконец, еще одним фундаментальным принципом построения и успешного функционирования социального партнерства является соблюдение норм федерального и регионального законодательства.

В свете изложенного представляется чрезвычайно полезным, необходимым и желательным скорейшее введение принципа социального партнерства в рамки правового поля.

Таким образом, мы считаем, что партнерские отношения имеют в своей основе, помимо осознания общности цели и наличия воли к ее достижению, умение понять другого, найти то общее, что поможет субъектам, используя возможности обеих сторон, действовать разумно, для общего блага и разрешать возникающие проблемы и противоречия цивилизованными средствами.

Современные исследователи абсолютно правы, говоря о диалоговом типе взаимоотношений с властью как гаранте достижения общественного согласия. Но нам представляется это согласие, если его изобразить графически, в виде параллельных прямых: одна линия — власть, другая, параллельная ей, — общество. Они не могут обойтись одна без другой (только в паре они существуют как параллельные прямые), но никогда не взаимодействуют, не пересекаются. Такого типа отношения вряд ли приведут к формированию социального партнерства, стороны не мешают, но и не стремятся навстречу друг другу, не ищут контактов с Другим. Мы же полагаем, что основной (если не единственный) путь становления отношений партнерского характера — непосредственное или опосредованное *социальное взаимодействие*.

Нам бы не хотелось настаивать на эталонности такого типа отношений, мы не склонны утверждать, что они — воплощение высших элементов нравственности, поскольку понимаем, что взаимодействующие стороны, вступая в партнерские отношения, преследуют собственные цели. Однако нельзя не видеть и того, что в процессе этих отношений достигаются определенные общественно значимые цели, облегчается процесс решения каких-то чрезвычайно важных вопросов, разрешение которых в одиночку было бы сопряжено со значительными сложностями. Более того, полагаем, что установление партнерских отношений способствует снижению социальной напряженности, ликвидирует элементы противостояния, конфликтности и закладывает основы того общественного согласия, о котором так много говорится с высоких трибун и которым так много внимания уделяется средствами массовой информации.

Социальное партнерство, таким образом, представляет собой тип социальных отношений, взаимодействия многообразных социальных групп и государственных институтов, который позволяет им свободно выражать свои интересы и находить цивилизованные способы их гармонизации и реализации в процессе достижения общей цели.

Подчеркнем еще раз. Принцип социального партнерства, при условии его принятия и понимания политической и экономической элитами, может стать действенным инструментом осуществления гуманитарной реконструкции и возрождения основных сфер жизнедеятельности в России, идущей по пути строительства демократии и гражданского общества.

Как же осуществляется социальное взаимодействие в российской действительности? Механизм социального партнерства, как мы уже говорили, — это своего рода канал связи между властной бюрократической системой и гражданским обществом. Наши исследования пока не позволяют прийти к выводу о том, что отдельные проявления этой связи есть выражение устойчивой тенденции, обладающей потенциалом и перспективой перерастания в закономерность, характеризующую новый тип отношений между властной бюрократией и гражданским обществом.

Нормальные, цивилизованные и демократические общественные отношения могут установиться лишь тогда, когда в социуме в качестве системного явления возникает определенная дистанция между его отдельными сферами, и прежде всего между гражданским обществом и государством. Интересно, что думают об этом аспекте настоящего России наши респонденты — лидеры неполитических гражданских общественных объединений. Несмотря на все сложности оценки уровня этой дифференциации, большинство из них (55,1%) уверенно полагает, что уже к настоящему времени становится очевидным разделение функций государства и общества.

Разумеется, у гражданского общества даже на той стадии развития, в какой оно находится сейчас в России, только тогда сможет сформироваться установка на социальное партнерство с бюрократической системой, когда, с одной стороны, последняя окажется готова к такого рода отношениям, а с другой — самим гражданским обществом будет восприниматься в качестве объекта деятель-

ности. Однако между осознанием разделения функций гражданского общества и государства и восприятием его в качестве объекта социального партнерства существует очевидный зазор. Хотя абсолютное большинство гражданских лидеров (88,2%) глубоко убеждены в том, что формирование механизмов социального партнерства должно являться одной из функций общественных объединений, государственные институты различных уровней в качестве объекта и инструмента гражданского общества расценивает всего лишь 44,4% лидеров гражданских общественных объединений. Но только 36,8% опрошенных нами гражданских лидеров назвали социальное партнерство в качестве реальной формы российской системы отношений между гражданским обществом и государством.

В свете сказанного становится понятным, почему в сознании наших респондентов — чиновников различных уровней власти в качестве архетипа при оценке стиля взаимоотношений общественных объединений и органов власти выступает дух бюрократии. И как ни старались работники властных структур быть объективными, называя эти отношения партнерскими, полученные в результате факторного анализа переменные, характеризующие бюрократические отношения, оказались в числе максимально нагруженных. И это дает нам основания утверждать, что партнерство в отношениях общественных объединений и органов власти пока еще не стало доминирующим фактором.

Вместе с тем становится очевидной необходимость дальнейшей научной проработки теории социального партнерства, конечной целью которой могли бы явиться конкретные рекомендации по созданию его механизма и включению последнего в федеральное и региональное правовое пространство.

Однако трудно себе представить, что только законодательство, только правовые нормы могли бы существенно помочь или обеспечить социальное партнерство, тесное сотрудничество. Нужны, мы полагаем, не только юридические установления, глубокое понимание целесообразности, но и активное стремление сторон, наличие у них не только желания, но и сильной воли к достижению компромисса, согласия. Необходимо, следовательно, активное содействие государства, органов власти созданию условий, способствующих этому пониманию и формированию установок на поиск путей пло-

дотворного сотрудничества взаимодействующих сторон. А это значит, что требуются дальнейшие научные проработки, исследования этого относительно нового для российской действительности феномена — социального партнерства, тем более что в нашей стране пока еще очень слабо организационно оформились сами субъекты социального взаимодействия с государством. Это касается взаимодействующих сторон практически во всех сферах жизнедеятельности российского общества.

Нам представляется, что институт социального партнерства есть одно из тех достижений западной цивилизации, которое в полной мере может быть реализовано на российской почве. Это тем более вероятно, что будучи встроенным в ткань общественных отношений, оно имеет под собой благодатную почву — исконно отечественные традиции соборности, общинности и коллективизма.

Основания для этого утверждения у нас есть. В самом деле, по нашим данным, уже сейчас половина (50,2%) лидеров гражданских общественных объединений и треть (30,6%) чиновников различных уровней государственной и муниципальной власти в регионах хорошо знакомы с опытом социального партнерства гражданского общества и государства в демократических странах. При этом наиболее предпочтительным (и по мнению гражданских лидеров, и по мнению регионального и муниципального чиновничества) представляется заимствование опыта таких стран, как США (2,1 балла из 5 возможных), Швеция (1,88 балла), Германия (1,91 балла), Франция (1,8 балла) и Англия (1,77 балла)⁸. Разумеется, речь идет о его новых прочтении и интерпретации, адекватных российским традициям, ментальности и достижениям демократической цивилизации в канун нового тысячелетия.

В заключение заметим, что наше обращение к проблеме социального партнерства есть следствие размышлений о путях и способах выхода как российского, так и региональных сообществ из системного кризиса. Мы глубоко убеждены, что попытка преодоления такого рода кризисов, в том числе и структурных, может быть успешной лишь при понимании системности их природы. Более того, необходимо формирование таких системных социальных технологий, каковой и является технология социального партнерства.

Хочется надеяться, что движение нашего общества к социальному партнерству неотвратимо, что именно партнерские отношения станут одним из важнейших факторов “снятия” социальной напряженности в нашем обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семигин Г.Ю. Социальное партнерство в современном мире. М., 1996. С.16.

² Международная организация труда (МОТ) — специализированное учреждение ООН, одна из крупнейших международных организаций, созданная в 1919 г. согласно Версальскому мирному договору в рамках Лиги Наций. СССР входил в МОТ в 1934—1940 гг. и вновь стал ее членом в 1954 г. Местонахождение органов МОТ — Женева.

³ См.: Семигин Г.Ю. Указ. соч. С.73—85.

⁴ Там же. С.80.

⁵ Там же. С.80—87.

⁶ Комаровский В.В. Система социального партнерства в России // СоцИС. 1998. № 2. С.24.

⁷ Любимова Е.А. Социальное партнерство как условие трансформации трудовых отношений // Возрождение России: общество — образование — культура — молодежь: Тез. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С.29.

⁸ Здесь и далее приводятся материалы социологических исследований процесса становления российского гражданского общества, осуществленных авторами в два этапа. На первом этапе (1995—1996 гг.) количество опрошенных составило: лидеры гражданских общественных объединений — 135 чел., чиновники различных уровней государственной и муниципальной власти — 132 чел. На втором этапе исследования (1998—1999 гг.) опрошено 250 лидеров гражданских общественных объединений.